Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Вольтер

Мемнон, или Благоразумие людское

Однажды Мемнон возымел безрассудное намерение достигнуть совершеннейшего благоразумия. Нет на свете человека, которому хоть раз в жизни не взбрела бы в голову подобная глупость. «Чтобы стать очень благоразумным, а стало быть, очень счастливым, – рассудил Мемнон, – надо лишь избавиться от страстей; каждый знает, что это легче легкого. Во-первых, я никогда не полюблю женщину, ибо, увидев самую безупречную красавицу, скажу себе: «Эти щечки когда-нибудь увянут, эти прекрасные глаза западут и покраснеют, эта пышная грудь станет плоской и обвислой, эти чудесные волосы выпадут». Значит, мне надо будет всего лишь взглянуть на нее теми глазами, какими я смотрел бы на нее в будущем, и уж тогда при виде ее головки я наверняка не потеряю голову.

Во-вторых, я всегда буду воздержан в еде; пусть сколько угодно искушают меня изысканные яства, тонкие вина, приятное общество; стоит лишь мне представить себе последствия излишеств, – тяжесть в голове, стеснение в желудке, потерю рассудка, здоровья и времени, как я стану принимать пищу только в силу необходимости; здоровье мое останется неизменным, мысли чистыми и ясными. Все это так легко, что в достижении этого нет никакой заслуги.

Затем, – сказал Мемнон, – надо подумать и о моем благосостоянии; желания мои умеренны, мои деньги надежно помещены у главного сборщика податей Ниневии [1 - Ниневия – город на Тигре, столица Ассирии.], мне есть на что вести независимое существование, а это уже величайшее благо. Никогда не будет мне грозить жестокая необходимость низкопоклонствовать при дворе, никому не стану я завидовать, и никто не станет завидовать мне. Это тоже весьма просто. У меня есть друзья, – продолжал он, – я их сохраню, потому что им нечего будет у меня оспаривать. Я никогда не стану злиться на них, а они не станут злиться на меня. Это не представляет затруднений».

Завершив таким образом свой скромный план благоразумной жизни, который он сочинял, сидя у себя в комнате, Мемнон высунул голову в окошко. Он увидел двух женщин, которые прогуливались под чинарами возле его дома. Одна была стара и, казалось, ни о чем не думала. Другая была молода, красива и выглядела весьма озабоченной. Она вздыхала, она плакала и от этого становилась еще прелестней. Наш разумник был тронут – не красотою дамы (он был совершенно уверен, что не может поддаться подобной слабости), но той печалью, в коей она, как он заметил, пребывала. Он вышел из дому и приблизился к юной ниневийке, намереваясь утешить ее разумным словом. Сия прекрасная особа с самым простодушным и трогательным видом поведала ему о том, какие притеснения терпит она от дядюшки, которого у нее не было; посредством каких хитросплетений отнял он у нее состояние, коим она никогда не владела, и чего только не приходится ей терпеть от его тиранства.

– Вы кажетесь мне человеком, способным давать столь разумные советы, – сказала она Мемнону, – что, ежели бы вы снизошли до того, чтобы посетить мой дом и вникнуть в мои дела, вы, я уверена, помогли бы мне выпутаться из тяжелого положения, в коем я пребываю.

Мемнон без колебаний последовал за нею, дабы, призвав на помощь весь свой разум, вникнуть в ее дела и дать ей добрый совет.

Огорченная дама привела его в благоуханные покои и почтительно подвела к широкой софе, на которой они и уселись друг против друга, скрестив под собою ноги. Дама заговорила, опустив глаза; из них то и дело вытекала слезинка, а когда они поднимались, то неизменно встречались с глазами благоразумного Мемнона. Речи их были полны умиления, которое удваивалось, когда они смотрели друг на друга.

Мемнон весьма близко принял к сердцу ее дела и с каждой минутой испытывал все большее желание услужить такой порядочной и несчастливой особе. В пылу беседы они уже не сидели друг против друга. Они уже не поджимали под себя скрещенные ноги. Мемнон давал ей советы со столь близкого расстояния и столь нежные, что ни тот, ни другая уже не могли говорить о делах и уже не понимали, что с ними происходит. Пока они пребывали в таком состоянии, как и следовало ожидать, явился дядюшка; он был вооружен с головы до ног и первым делом, разумеется, заявил, что сейчас же убьет благоразумного Мемнона и свою племянницу, а под конец обмолвился, что мог бы их простить за большие деньги. Мемнону пришлось отдать все, что у него было при себе. В те счастливые времена людям еще удавалось так дешево отделаться. Америка еще не была открыта [2 - Намек на сифилис, завезенный спутниками Колумба из Америки.], и опечаленные дамы были далеко не столь опасны, как в наши дни.

Мемнон, пристыженный и расстроенный, вернулся к себе домой; там он нашел записку, в коей его приглашали отобедать с несколькими близкими друзьями. «Если я останусь один дома, – рассудил он, – голова моя будет занята моим злосчастным приключением и я вообще не смогу есть; я заболею. Лучше разделить незатейливую трапезу с моими близкими друзьями. В их милом сердцу обществе я позабуду совершенную поутру глупость». Он отправляется на место встречи; его находят невеселым. Его заставляют пить, чтобы рассеять печаль. Несколько глотков вина всегда полезны для тела и души. Так думает благоразумный Мемнон; и он напивается допьяна. После обеда ему предлагают сыграть в кости. Честная игра с друзьями – достойное времяпрепровождение. Он играет; проигрывает все содержимое своего кошелька и еще в четыре раза больше под честное слово. Во время игры завязывается спор; страсти разгораются; один из близких друзей запускает в Мемнона стаканчиком для игральных костей и попадает ему в глаз. Благоразумного Мемнона относят домой пьяного, без денег и без одного глаза.

Немного протрезвившись и придя в себя, он посылает слугу за деньгами к главному сборщику податей Ниневии, чтобы расплатиться с близкими друзьями. Ему сообщают, что тот нынче утром сделался злостным банкротом, разорив сотню семейств. Оскорбленный Мемнон с пластырем на глазу и с прошением в руке отправляется ко двору умолять царя о правосудии. В дворцовой гостиной ему встречаются несколько дам, с непринужденностью носящих кринолины, окружностью в двадцать четыре фута. Одна из них, немного знакомая с Мемноном, сказала, искоса взглянув на него: «Ах, какой ужас!» Другая, знавшая его немного ближе, сказала: «Добрый вечер, господин Мемнон; право, я так рада вас видеть, господин Мемнон. Кстати, господин Мемнон, как это вы потеряли один глаз?» И она прошла мимо, не дожидаясь ответа. Мемнон забился в угол и стал караулить удобную минуту, чтобы броситься к ногам монарха. Минута наступила. Он трижды облобызал землю и подал свое прошение. Всемилостивейший государь весьма благосклонно принял грамоту и передал ее одному из своих сатрапов, селя разобраться в этом деле. Сатрап отводит Мемнона в сторону и говорит ему высокомерным тоном с язвительной насмешкой:

– Я нахожу вас весьма забавным кривым, коль скоро вы обращаетесь не ко мне, а к государю, и еще того забавнее, коль скоро вы смеете жаловаться на честного банкрота, коего я сам осчастливил своим покровительством и коий является племянником горничной моей любовницы. Оставьте это дело, друг мой, если вы хотите сохранить в целости другой глаз.

Так Мемнон, утром отказавшийся от женщин, от излишеств в еде, от игры и всяких ссор, а главное, от двора, оказался еще до наступления ночи обворован прекрасной дамой, напился, играл, поссорился, дал выбить себе глаз и явился ко двору, где над ним насмеялись.

Отупев от потрясений, с обливающимся кровью сердцем вернулся он домой. Он хочет войти к себе и находит в своем доме судейских чиновников, которые, по требованию кредиторов, вывозят его мебель. Почти бесчувственным опустился он на землю под чинарой; и тут он увидел прекрасную даму, встреченную им поутру, которая прогуливалась с дражайшим своим дядюшкой и расхохоталась, заметив Мемнона с его пластырем. Наступила ночь; Мемнон улегся на соломе под стеною своего дома. У него началась лихорадка; во время приступа он заснул, и во сне ему явился небесный дух.

Дух излучал сияние. У него было шесть прекрасных крыл, но не было ни ног, ни головы, ни хвоста, и он был непохож ни на что на свете.

– Кто ты? – спросил Мемнон.

– Твой добрый гений, – отвечал тот.

– Тогда верни мне мой глаз, мое здоровье, мое добро и мое благоразумие, – сказал Мемнон. После чего он поведал духу, как потерял все это за один день.

– Вот превратности, которых никогда не претерпеваем мы в том мире, в котором обитаем, – сказал дух.

– А в каком мире вы обитаете? – спросил опечаленный человек.

– Моя родина, – ответствовал дух, – находится в пятистах миллионов лье от солнца, на маленькой звезде близ Сириуса, которую ты можешь узреть отсюда.

– Прекрасная страна! – сказал Мемнон. – Как? У вас там нет потаскух, которые обирают бедного человека, нет близких друзей, которые обыгрывают его в карты и выбивают ему глаз, нет банкротов, нет сатрапов, которые издеваются над ним и отказывают ему в правосудии?

– Нет, – отвечал обитатель звезды, – у нас нет ничего подобного. Нас никогда не обманывают женщины, потому что у нас нет женщин; мы не предаемся излишествам за столом, потому что мы не едим; у нас нет банкротов, потому что нет ни золота, ни серебра; нам нельзя выбить глаз, потому что у нас нет тела, подобного вашему; а сатрапы не совершают у нас несправедливостей, потому что на нашей маленькой звезде все равны.

На это Мемнон заметил ему:

– Сударь, на что же вы употребляете свое время, если у вас нет ни женщин, ни обедов?

– На то, чтобы оберегать иные планеты, нам доверенные; и я явился сюда, дабы тебя утешить.

– Увы! – сказал Мемнои. – Почему не явились вы вчера вечером и не помешали мне совершить столько безумств?

– Я был у твоего старшего брата Хассана, – отвечал житель небес. – Он достоин большей жалости, нежели ты. Всемилостивейший государь царь Индии, при дворе которого он имел счастье состоять, велел выколоть ему оба глаза за совершенную им маленькую нескромность, и в настоящее время он находится в темнице, скованный цепями по рукам и ногам.

– Стоит ли иметь в семействе доброго гения, – сказал Мемнон, если при этом один брат стал кривым, другой слепым, один спит на соломе, другой в тюрьме?

– Твоя судьба переменится, – возразила звездная тварь. – Правда, ты навсегда останешься кривым, но, не считая этого, будешь очень счастлив, если только никогда больше не станешь строить глупые прожекты, как достигнуть совершеннейшего благоразумия.

– Значит, этого состояния достигнуть невозможно? – со вздохом воскликнул Мемнон.

– Так же невозможно, как невозможно достигнуть совершенства в ловкости, совершенства в силе, совершенства в могуществе, совершенства в счастье. Даже мы далеки от этого. Есть одна планета, где все это существует; но между ста тысячами миллионов миров, рассеянных в пространстве, все распределяется в строгой последовательности. Во втором мире меньше разума и наслаждений, чем в первом, в третьем меньше, чем во втором. И так далее, вплоть до последнего мира, населенного одними лишь безумцами.

– Боюсь, – сказал Мемнон, – что наш маленький шар как раз и есть тот сумасшедший дом вселенной, о котором вы сделали мне честь упомянуть.

– Не совсем, – ответствовал дух. – Но он к этому приближается; всему свой черед.

– Как же так? – сказал Мемнон. – Ведь в таком случае глубоко ошибаются некоторые

поэты [3 - Вольтер имеет в виду английского поэта Александра Попа (1688 – 1744), который в своей философской поэме «Опыт о человеке» отстаивал идею разумности и гармоничности всего сущего.], некоторые философы [4 - Вольтер намекает на оптимистические идеи английских философов Энтони Эшли Купера, лорда Шефтсбери (1671 – 1713) и Генри Блингброка (1678 – 1751), а также немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 – 1716), у которого в данном случае он заимствовал идею бесконечности миров, организованной в стройную иерархическую систему. С Лейбницем Вольтер наиболее последовательно и остро полемизировал в «Кандиде».], когда говорят, что все идет хорошо.

– Они глубоко правы, – возразил вышний философ, – если иметь в виду устройство всей вселенной в целом.

– Ах, я поверю в это только тогда, когда перестану быть кривым, – сказал бедный Мемнон.

Примечания

Memnon ou la Sagesse humaine

Этот назидательный рассказ был написан в начале 1749 г. Опубликован в том же году в сборнике разных произведений Вольтера.

1

Ниневия – город на Тигре, столица Ассирии.

2

Намек на сифилис, завезенный спутниками Колумба из Америки.

3

Вольтер имеет в виду английского поэта Александра Попа (1688 – 1744), который в своей философской поэме «Опыт о человеке» отстаивал идею разумности и гармоничности всего сущего.

4

Вольтер намекает на оптимистические идеи английских философов Энтони Эшли Купера, лорда Шефтсбери (1671 – 1713) и Генри Блингброка (1678 – 1751), а также немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 – 1716), у которого в данном случае он заимствовал идею бесконечности миров, организованной в стройную иерархическую систему. С Лейбницем Вольтер наиболее последовательно и остро полемизировал в «Кандиде».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!